

ДЕТЕКТИВ ❧ ЗАГАДКА

Читайте детективы-загадки Натали Андреевой

- Эри Стрелыги
Низкого ливного
Королевы умирают стоя, или
Комната с видом на огни
Девять дней до весны
Союз для пистолета с оркестром
Эскорт
Кел
Авторал
Любовь и смерть всегда вдвоем
Любовь и смерть в прямом эфире
Любовь и ирония судьбы
Я садовником родился
Накануне солнечного затмения
Стикс
Мертвым не мстят,
или Шутка
Поговори со своей тенью
Черное белое
Все оттенки красного
И на небе есть крест, или Девушка
для грядущей звезды
Адам ищет Еву,
или Сезон дикой охоты
Грозы медового месяца
Муж за алиби
Дети Белой Богини
Куда уходят грешницы,
или Гробница Наполеона
Ангара!
Высокий блондин на белой лошади
Прицел Эдип
Пробка
Островитяне
Вид на жительство в райю
Любовь и смерть в толпе
Раб лампы
Черная кошка в темной комнате
Наследник империи,
или Выдержка
Кара небесная, или Стикс-2
Парижская тайна,
или Истина в вине
Сто солнц в капле света
Сто солнц-2
Влюбленные безумны
Попробуйте позвонить позднее...
512 килобайт долларов
Метель
Утро ночи любви
Проигравшему достается жизнь
Достаточно одной таблетке
Оплеванная лилия
Я стану тобой
Три ступеньки в небо
Нить Ариадны
Обмани меня нежно
Пристрелите нас, пожалуйста!
Райский уголок для смерти
Любовь и смерть
в социальных сетях
Фобия
Альра-жонглер
Правая рука смерти
Нагадали мне суженого
Москва не принимает
Браки расторгаются в аду

Наталья АНДРЕЕВА

Браки
расторгаются
в аду

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Оформление серии *С. Прохоровой*

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 Браки расторгаются в аду : роман / Наталья Андреева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-загадка. Романы Н. Андреевой).

ISBN 978-5-699-69801-1

Говорят, браки заключаются на небесах. А где же они тогда раторгаются? Судя по ситуации, в которой оказалась Зинаида Царева, — в аду! Муж бросил ее ради двадцатилетней девушки, причем все нажитое за четверть века в законном браке отобрал, оставил Зинаиду без денег и без жилья! И что же ей теперь делать? Надо как-то остановить злодея! Зинаида — женщина энергичная и с характером. Она решает похитить новую пассию своего супруга и пару недель подержать девушку взаперти в лесном домике. Пока Иван Иванович Царев не станет стоворчивей. А там, глядишь, старичка и удар хватит, тогда (о счастье!) Зинаида — богатая вдова. Сказано — сделано! Соперница исчезает, но когда в квартире у Зинаиды вдруг появляется полиция, до предприимчивой дамы начинает доходить, что этой непростой ситуацией кто-то воспользовался в своих целях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андреева Н. В., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-69801-1

Часть первая

Ах ты, мерзкое стекло!

Одни говорят: пришло время циников, другие мягко их поправляют: не циников, а реалистов. В любом случае это мое время, хотя бы потому, что я с детства ненавижу сказки. Тем более меня на них воспитывали, а я этого терпеть не могла, я ведь взрослая девочка, мне даже кажется, что в семь лет я уже была гораздо взрослее и умнее своей мамы. Ведь она училась жизни по книжкам, а я с самого раннего детства понимала: намного ценнее собственный жизненный опыт.

Так, уже с первого класса я усвоила: определяющим в среднем балле школьного аттестата является место работы родителей, и перестала переживать по поводу плохих оценок. Поскольку я росла без отца, а моя мама не подвизалась в торговле (в советское время хорошие вещи приобретались только «по благу»), то и золотая медаль мне не могла достаться по определению. Я это поняла и успокоилась. А вот мама принимала все за чистую монету, и то, что единственная дочка завмага круглая отличница, считала совершенно естественным. Ее

6 она хвалила и называла «хорошей девочкой», а меня ругала за плохие оценки. Меня так и подмывало сказать:

— Ты бы хоть раз подарила моему классному руководителю что-нибудь, кроме открытки со своими стихами, и проблема была бы решена.

Почти каждый день ровно в восемь часов вечера мама брала в руки толстенную книгу и каким-то особенным голосом, низким и значительным, говорила:

— Сейчас, Зинаида, мы с тобой будем читать сказку.

Это звучало так торжественно, будто я Золушка и меня уже пригласили на бал. Добрая фея в лице моей мамы обещает мне сияющее, как хрустальная туфелька, счастье. А мне, честное слово, ехать туда не хотелось, на этот бал. Ну не хотелось, и все тут. Потому что мне не нравился принц. Мне нравился король. Я сразу поняла, что в любой сказке он главный. Но король бедняжку Золушку почему-то не замечал, а изо всех сил подсовывал ее своему дефективному сыночку, ибо как еще назвать идиота, который искал жену по размеру ноги? Со зрением у него точно было не в порядке, раз он не узнал девушку, с которой протанцевал весь вечер. Однажды я не выдержала и спросила:

— Мам, а почему принц не носил очки? Разве папакороль не мог его заставить? Вот ты же заставляешь меня есть манную кашу с комочками, хотя я ее терпеть не могу, особенно комочки!

— Очки, какие очки? — озадаченно спросила мама, оторвавшись наконец от книжки.

— А зачем мерить туфлю, чтобы понять, та это девушка или не та? Значит, принц ее не разглядел как следует, когда танцевал с ней на балу. А все почему? Потому что он был сильно близорукий и не носил очки!

Не напился же он, как Алькин папа, который наутро совсем не помнит, что натворил вчера? Принц, он что — тоже пьяница? Я такого мужа не хочу! Алькины родители все время ссорятся и дерутся!

— Зина, как можно? — всплеснула руками мама. — Это же сказка!

— Но если мне не понятно, почему я не могу спросить?

— Ты... ты не ребенок! Ты чудовище! — и мама расплакалась.

Больше я таких вопросов не задавала. Чудовище так чудовище. Лучше уж я буду чудовищем, чем такой, как эта противная дочка завмага, врушка и задавака. А по словам моей мамы, она «хорошая добрая девочка». Уж я-то знаю, какая она добрая! Лопает свои бутерброды с икрой тайком, запершись в туалете, чтобы никто не попросил: ну дай хоть разок укусить! Остальные-то икру в глаза не видели, это же дефицит! Как ее только не стошнит, эту противную девчонку! И еще я знаю, что математичка исправляет ей синей ручкой ошибки в контрольных работах, чтобы вытянуть на медаль, а потом бежит к ее «доброй» мамочке в подсобку за дефицитными финскими сапогами. И все это знают, вся школа. Но скажи об этом моей маме, она опять начнет мне выговаривать:

— Как можно, Зинаида, так плохо думать о людях?! Ты просто чудовище!

А что тут думать? Все и так очевидно, и все, кроме моей матери, это понимают. А она как инопланетянка. Но я-то на ее сказочной планете псевдохороших людей жить не собираюсь. Я хочу жить в реальном мире.

Что же касается обожаемой всеми девчонками сказки о Золушке, я почему-то уверена, что, когда ко-

роль умер, в стране произошла революция и законный наследник, лишенный всего, отправился прямиком в ссылку. Вместе с бедняжкой Золушкой, которая, слава богу, с детства была готова к лишениям. Мудрый король прекрасно все это понимал, не случайно же он выбрал ее из десятков претенденток в жены для принца, хотя она и была бесприданницей. В мире ничего не происходит просто так. Лично я не верю в случайности.

Мне было всего пять лет (именно с этого возраста я себя помню), когда я четко усвоила: что написано пером, не вырубишь топором. Я, стараясь не зевать, утонула в огромном кресле, а мама, которая сидела в кресле напротив, торжественным голосом читала мне очередную сказку. Ее кресло было точь-в-точь такое же, как мое, но оно не казалось огромным, когда в нем сидела мама, потому что она была высокой и грузной. Каждый день ровно в восемь часов вечера меня начинали воспитывать. Педагогический опыт моей родительницы, почерпнутый из книжек, говорил, что лучше всего это делать на примере сказочных персонажей. Сама она работала в библиотеке и свято верила в силу печатного слова.

— «Сказка о мертвой царевне», — торжественно объявляла она, и я пыталась подсчитать, в который же раз я ее услышу, эту сказку? Поскольку считать я тогда умела лишь до десяти, то вывод мой был таков: десять раз по десять. Разумеется, это преувеличение, чтобы вы могли представить, насколько же мне все это осточертело еще в возрасте пяти лет. А мама вовсе не собиралась останавливаться на достигнутом. Книг у нее в библиотеке было полно.

Все случилось из-за нее. Из-за этих проклятых ска-

зок. Когда я начинала капризничать, мама строго спрашивала меня:

— Что случилось, Зинаида?

— Скучно.

— Как это скучно? — удивлялась она.

— Ведь это же все неправда! Так не бывает!

— Сказка ложь, да в ней намек, — многозначительно говорила мама.

Это из-за нее я стала воспринимать все без исключения сказки, и авторские, и русские народные, как руководство к действию. Или инструкцию по эксплуатации.

Как вам это?

Весь царевну в глушь лесную,
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам!

Восклицательный знак лично от меня.

Говорила же мне мама, что у Пушкина есть ответы на все вопросы, а я в этом еще сомневалась! И напрасно! В безвыходной ситуации я открыла книгу его сказок и все, что мне надо, там нашла.

Но обо всем по порядку. Первые мои слезы были по поводу Василисы Премудрой, когда я поняла, что другого конца у этой сказки не будет. Что Василиса так и выйдет замуж за Иванушку, а Кощей умрет. Лично мне в этой сказке больше всех нравился Кощей. Ох, как же он был мне симпатичен! Мне хотелось, чтобы он был счастлив, женился бы на Василисе, и она бы тоже стала бессмертной. Вот кого я, убей, не понимала! Она же такая умная, да к тому же волшебница. Охота ей связываться с простым смертным? То ли дело Кощей! Сундуки полны золота и бриллиантов, вся ме-

бель импортная, та самая, на которую в магазине очередь сроком на сто лет. Прислуги у него полон дом, даже Баба-яга, знатная гадалка! А как он любит Василису! Вот за что его убили? За то, что любил? Но он же не виноват, что полюбил именно Василису! И сначала он ее добивался по-честному: предложил замуж. А уж когда она отказала, превратил ее в лягушку, чтобы никому не досталась. Какая же она Премудрая, если вышла за Иванушку? Уверена, что она об этом сто раз пожалела. Вот я бы своего шанса не упустила, выбрала бы Кошея.

Зигмунд Фрейд легко бы объяснил мою особую симпатию к мужчинам, которые мне в отцы годятся. Комплексом Электры или какой-нибудь другой психической болезнью. Но не будем вдаваться в дебри психологии. Нас ждет история гораздо интереснее.

По факту.

Лично я поступила с точностью до наоборот, когда пришло мое время выходить замуж, хотя у меня тоже был свой Иванушка. А точнее, у меня их было двое, Иванушка и Иван Иванович. Двое женихов. О! Я хорошо усвоила урок! Хотя мама мне говорила:

— Зинаида, ты сошла с ума! Ты еще девочка, а Иван Иванович — взрослый опытный мужчина. То ли дело Ванечка. По-моему, вы с ним отличная пара.

Но я так не считала. Я была счастлива, что Иван Иванович обратил внимание именно на меня, и вовсе не собиралась превращаться в лягушку. Он был очень удивлен, когда я ответила согласием.

— Не ожидал в вас, Зиночка, такой житейской мудрости. Ведь вы совсем еще девочка.

Это я потому мудрая, милый, что в детстве мне читали сказки. И я извлекла из прочитанного урок. И по-

том: мне он в самом деле нравился гораздо больше, чем Ванечка. Я его жалела, Иван Ивановича, ведь он был такой одинокий в свои сорок пять лет, такой, как мне тогда казалось, несчастный. Я распахнула для него свое сердце и дверь в свою спальню. Он стал моим первым мужчиной и очень этому удивился и обрадовался. Я же осуществила мечту: исправила сказку, написав ее конец по-своему. Кощей получил достойную награду за свою любовь. А я получила в одном флаконе мужа и отца, которого мне так не хватало. Кто скажет, что два в одном это плохо?

В своем выборе я не ошиблась. Еще в советские времена, которые все теперь вспоминают с благословенной грустью, у Иван Ивановича все было: большая московская квартира, хорошая машина, двухэтажная дача. Но по-настоящему он развернулся после того, как партийная номенклатура поделила между собой народное достояние: фабрики, заводы, шахты, нефтяные скважины, лесные угодья и т. д. Народу раздали бумажки со словами: «Вот вам каждому по Волге. Имелась в виду машина «Волга», заветная мечта каждого советского человека, условная стоимость которой и значилась на бумажке: 10 000 рублей. Как вы сами понимаете, в стране тогда не было столько машин, сколько этих бумажек. В итоге самые предприимчивые поменяли свою «Волгу» на бутылку водки, чтобы поскорее забыть об этом кошмаре, а глупцы вложили несуществующую машину в такие же мифические инвестиционные фонды, которые вскоре после этого испарились. И «пайщикам» пришлось взглянуть на все трезвыми глазами, признав собственную глупость. Так в стране произошло массовое ограбление простого народа, которое деликатно называли приватизацией.

Мой Иван Иванович был среди тех, кто прекрасно знал истинную стоимость ваучера. И знал, для чего это все затеяли. Олигархом он не стал, но сделался почти олигархом. Или, как еще говорят, ООМ. (Очень обеспеченный мужчина.) Он приватизировал завод, директором которого на тот момент являлся, и тут же назначил себя председателем правления совета директоров. Короче, захватил контрольный пакет акций. А я стала гендиректором ООМ. Приватизировала Иван Ивановича вместе с его очками, лысиной и брендовыми пиджаками, захватив контрольный пакет акций на все его чувства в полном их объеме. И мы зажили душа в душу, я с ним, а он со своим заводом.

У него всегда все было хорошо. У меня тоже все было хорошо. Как вы сами понимаете, я ни дня не работала. Не возникало необходимости. На мне лежали обязанности хозяйки большого дома. Иван Иванович зарабатывал миллионы, а я принимала в доме людей, которые ему в этом помогали. И все они были довольны. Хотите верьте, хотите нет, но я ему не изменяла, своему Ивану Ивановичу. Об этом в сказках ничего не было, ни в русских народных, ни у Пушкина. О любовниках. Двадцать четыре года у нас с мужем все было хорошо, а потом...

Сначала я подумала, что на стекле появились мелкие трещинки. Я имею в виду зеркало, которое всегда являлось моим лучшим другом. Я даже разговаривала с ним.

— Я ль, скажи мне, всех милее?

И оно, улыбаясь, кивало.

У меня и детей потому нет. Жаль было портить такую красоту, ибо я на самом деле хороша необыкновенно. Как только я представляла, что это прекрасное

тело, истинное совершенство, будет обезображено огромным животом... О, нет! И еще сто раз нет!

И вот зеркало, которое всегда было мне лучшим другом, стало дурить. Как я уже сказала, сначала я подумала, что это от старости. От его старости. Оказалось, что от моей. На фигуре возрастные изменения мало сказались, я по-прежнему была стройна, но вот лицо...

Со мной перестали знакомиться на улице. Раньше и дня не проходило, чтобы какой-нибудь мужчина не подскочил и не открыл передо мной дверь. Я даже не замечала всех мелких знаков внимания, которые оказывал противоположный пол моей красоте. Потому что их было столь много, этих знаков, что, если замечать их, право слово, так и жизнь мимо пройдет. А мне очень нравилась моя жизнь. Точнее, ее радости, коих у меня благодаря Иван Иванычу было много.

Я чуть ли не каждый день слышала:

— Девушка, а можно ваш телефончик?

Мне всегда казалось, что мир вращается вокруг меня. Мужчины столбенели, едва я появлялась на горизонте. Бог дал мне такую фигуру, что она могла бы за просто украсить какой-нибудь музей, изваяй меня из мрамора известный скульптор.

Но однажды я услышала:

— Женщина, здесь парковаться нельзя.

Сначала я ушам своим не поверила. Парень в жилете ядовитого лимонного цвета запрещал мне, красавице, парковаться там, где я хочу, да еще и назвал меня женщиной! До сих пор ко мне обращались исключительно «девушка». Я подумала, что он меня не разглядел как следует, и до упора опустила ветровое стекло. Сказала с улыбкой:

— Извините, я не расслышала.

— Я сказал, женщина, здесь не место для парковки, — зло ответил он. — Проезжайте мимо. А если вы глухая — обратитесь к врачу!

Это был первый раз, когда мне нахамили. То есть женщины хамили мне и раньше, я давно привыкла, что все они — мои смертельные враги. Но чтобы мне нахамил мужчина?! Такого отродясь не бывало! Едва отъехав, я впилась взглядом в зеркало. Что не в порядке с моим лицом? Решила, просто макияж неудачный, потому что мне некогда было разглядывать свое отражение, руля по запруженным машинами московским улицам.

Но через день я опять услышала:

— Женщина, вы в банкомат стоите?

Мне чуть плохо не стало. Я кинулась домой и стала всерьез разбираться с зеркалом.

— Что ты хотела, Зинаида? Старость пришла, — грустно сказала оно.

Какая, к черту, старость! Мне всего лишь сорок два! О господи! Мне сорок два!!! Это еще повезло, что до сорока меня называли «девушкой»!

Я кинулась к пластическому хирургу. И тут меня ждало главное разочарование.

— Круговую подтяжку делать рано.

— А что тогда делать?

— Можно попробовать ботокс. Или рестилайн. Но честно предупреждаю: с вашим типом лица могут быть проблемы.

— А что такое с моим типом лица?

— Видите ли, у вас слишком тонкая кожа. Придется закачать вам столько яда, что могут возникнуть сильные головные боли. Это раз. Ботокс — это ведь яд.

— Я в курсе.

— Филеры вам не поставишь, это два. Как я уже сказал, кожа слишком тонкая. Появятся бугры. Блефаропластику тоже делать бесполезно. У вас нет на лице жировых отложений, скорее напротив. Синяки под глазами от того, что видны мельчайшие сосуды. Резать нельзя, напротив, надо закачать туда жир, но поскольку кожа тонкая, то я не уверен, что будет лучше, чем сейчас. Синяки, конечно, исчезнут, но лицо будет деформировано. Не советую также фраксель, глубокий химический пилинг, да и вообще аппаратное вмешательство. Вам нельзя жечь свою кожу, потому что она...

— Слишком тонкая. Это я уже поняла. А что мне делать?

— Стареть с достоинством, — пожал плечами пластический хирург. — В конце концов, полно известных актрис, которые принимают себя такими, какие они есть, и не делают пластику.

— Да плевать мне на них! Я не хочу стареть! — Я вскочила.

— Вы рискуете себя изуродовать, — сказал он. — Вы очень красивая женщина, Зинаида Андреевна, и мне будет жаль, если на вашем прекрасном лице появятся шрамы. Это еще больней, чем видеть морщины. Вы, конечно, можете обратиться к другому пластическому хирургу, и он скажет вам: «Давайте попробуем». Но не приходите потом ко мне. Я вас честно предупредил о последствиях.

Я вышла, проклиная свою тонкую кожу, которой раньше так гордилась. Лицо у меня всегда было, как у фарфоровой куклы, нежное, гладкое. И вот этот изысканный фарфор начал трескаться, причем оказалось, что он не подлежит реставрации!

